

Robert Burns

Робертъ Борнсъ.

(Биографическій очеркъ).

Въ ночь на 25 января 1759 года въ Шотландіи, въ окрестностяхъ Эйра бушевала снѣжная буря. Въ эту самую ночь и родился Робертъ Борнсъ, будущій творецъ народной шотландской пѣсни. Сильно разрушилъ январскій вѣтеръ небольшую хижину, и мать съ новорожденнымъ должна была на время поселиться у сосѣда.

Отецъ Роберта до того времени служилъ садовникомъ у одного мелкопомѣстнаго дворянина; скопивши немного денегъ, онъ арендовалъ небольшой клочокъ земли при рѣкѣ Дунѣ, построилъ хижину и занялся сельскимъ хозяйствомъ; здѣсь у него и родился сынъ-первенецъ. Отецъ, при всѣхъ неурядицахъ и трудностяхъ, старался какъ можно лучше воспитать сына. Шести лѣтъ маленький Робинъ началъ ходить въ школу, но скоро оставилъ ее, потому что путь до школы былъ не близокъ. Однако отцу не хотѣлось, чтобы сынъ его оставался неученымъ,—онъ нанялъ вѣстальнику съ сосѣдями

учителя, который попеременно жилъ то въ одной, то въ другой семьѣ.

«Къ 10 или 12 годамъ», говоритъ о себѣ Робертъ Борнсъ, «я былъ рѣшительно докторомъ същественныхъ именъ, глаголовъ и междометій».

Но скоро учитель получилъ мѣсто и убѣжалъ; старикъ Борнсъ самъ сталъ заниматься съ дѣтьми, сообщая имъ все, чему когда-то учился или вычиталъ въ книгахъ.

На развитіе же характера и впечатлительности богато одаренной натуре ребенка много повлияла своими разсказами о старинѣ, сказками и пѣснями одна старушка, проживавшая въ семействѣ Борнсовъ.

Вотъ что пишетъ Робертъ Борнсъ въ письмѣ къ доктору Муру объ этой старушкѣ: «Многимъ обязанъ я въ дни моего дѣтства и отрочества одной старой женщинѣ, жившей въ нашей семьѣ и замѣчательной по своему невѣжеству, легковѣрію и предрасудкамъ. Въ головѣ ея, я думаю, была самая богатая въ странѣ коллекція сказокъ и пѣсней, напичканныхъ духами, волшебницами, вѣдьмами, привидѣніями, великанами, заколдованными башнями, драконами и всякой другой чертовщиной. Сказки эти пробудили во мнѣ дремавшія сѣмена поэзіи».

Отцу Борнса жилось трудно; дѣла его не поправлялись; арендованная имъ земля при рѣчкѣ Дунѣ не давала даже и того, чѣмъ можно было бы содержать семью. И поневолю четырнадцатилѣтнему Борнсу пришлось стать помощникомъ от-

ца — взытаться за плату. Проработавъ дѣльный день въ полѣ, онъ къ вечеру возвращался домой и, наскооро поѣвши овсяной похлебки, усаживался за книгу; часто далеко за полночь засиживался Робертъ, читая или набрасывая на листкахъ то, что наполняло его душу.

А дѣла все не улучались. Владѣлецъ имѣнія, у котораго была арендована земля, умеръ, и самое имѣніе было продано. Пришлось искать новаго мѣста, и старикъ Борнсъ нашелъ его недалеко отъ Лохлея, гдѣ онъ также арендовалъ нѣсколько акровъ земли. Вотъ какъ описывалъ положеніе семьи Робертъ Борнсъ въ это время: «Къ довершенію нашего несчастія, мы попались въ руки агента (фактора), съ котораго я списалъ портретъ въ сказкѣ «О двухъ собакахъ». Отецъ мой женился уже въ лѣтахъ; я былъ старшій изъ семерыхъ дѣтей, и онъ, истощенный непосильными трудами, былъ уже совершенно не въ состояніи работать. Срокъ нашей аренды кончался еще черезъ два года, и, чтобы прожить ихъ какъ-нибудь, мы должны были еще больше ограничить свои издержки. Мы жили очень бѣдно... Безотрадное одиночество отшельника съ непрестаннымъ туженничествомъ капоржника — таковъ былъ мой образъ жизни до 16 лѣтъ... Немного ранѣ этой эпохи я впервые со-вершилъ грѣхъ стихотворенія».

Но пылливый умъ не давалъ покоя юношѣ; онъ не могъ довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которымъ надѣлила его судьба, — онъ искалъ выхода, его умъ требовалъ новыхъ познаній. Часто,

отрываясь отъ работъ, онъ уходилъ къ одному учителю и занимался тамъ изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ. А 19-й годъ своей жизни поэтъ проводить далеко отъ своего дома — въ школу, гдѣ учился землемѣрному искусству, геометріи и пр. наукамъ. Мѣстность, гдѣ находилась школа, была населена контрабандистами; ихъ разгульная жизнь, шумныя ссоры поражали, даже увлекали юношу; Борнсъ не разъ самъ пировалъ съ этими господами, наблюдалъ ихъ жизнь и учился узнавать людей. Дѣла отца окончателно разстроились, и Робертъ, чтобы поддержать семью, поступаетъ въ сосѣдній городокъ къ чесальщику льна, но подѣ Новый Годъ чесальная мастерская сторааетъ, и «я», пишетъ Борнсъ, «какъ истинный поэтъ, остался безъ гроша въ карманѣ».

Борнсъ положительно бѣдствовалъ. Отецъ болелъ еще года два, но смерть успокоила его, — онъ умеръ въ 1784 г.

Послѣ смерти отца Робертъ вѣдетъ съ братомъ Джилберомъ снялъ маленькую ферму въ мѣстечкѣ Мосджилъ. Объ этомъ времени онъ писалъ: «Я сталъ читать хозяйственныя книжки, высчитывать время жатвы и посѣва, ѣздить по ярмаркамъ; но въ первый годъ по милости плохихъ сѣмянъ, а второю — дождливой осени мы потеряли половину своихъ доходовъ. Это поставило вверхъ дномъ всю мою мудрость».

Неудача въ хозяйствѣ, несчастная исторія любви къ одной дѣвушкѣ, распростиравшаяся по огрестности слава о Борнсѣ, какъ о стихотворцѣ, авторѣ

комической поэмы «Плачь друзей преподобныхъ отцовъ-кальвинистовъ», которая подняла противъ Борнса шумные митинги духовенства, — все это вѣдетъ взятое заставило Роберта отдать свою долю на фермѣ брату, а самому дѣлать приготавленія къ отъѣзду на Ямайку, гдѣ ему въ имѣніи Дугласа предлагали какое-то незначительное мѣсто; но, чтобы добраться туда, нужны были деньги, а ихъ-то какъ разъ и не оказалось у разорившагося фермера. Но Борнсъ при всѣхъ неудачахъ и душевныхъ терзаніяхъ сознаетъ свои поэтическія силы и рѣшаетъ издать свои стихотворенія, чтобы на вырученные деньги покінуть родину.

И вотъ въ 1787 г. въ Кальманроукѣ являється первое изданіе стихотвореній Борнса, напечатанное въ количествѣ 600 экз., подѣ названіемъ «Старое и Новое». Борнсъ получилъ отъ этого изданія около 200 руб. чистой прибылью, которые ему казались громаднымъ состояніемъ. «Успѣхъ книги», говоритъ одинъ изъ друзей Борнса, Чарльзъ Геронъ, «былъ поразительный: всѣ — и знатные и простые, и серьезные и веселые, и ученые и невѣжды были одинаково восхищены, изволнованы и очарованы. Я видѣлъ, какъ простые пахари и поенщицы охотно платили за произведенія Борнса деньги, необходимые имъ для покупки одежды...»

Этого мало — о книжкѣ заговорили тамъ «на верху», въ высшихъ слояхъ общества. Писемно доктора Блэклока къ одному изъ друзей поэта, гдѣ доктору высказываетъ свое одобреніе книгѣ и мнѣ-

ние, что въ Единбургѣ охотно издадутъ 2-е издание, мѣняеть рѣшеніе Борнса ѣхать въ Ямайку, — онъ переселается въ Единбургъ, гдѣ осенью 1788 г. являється 2-е, дополненное издание его поэмъ и пѣсенъ. Этимъ изданіемъ Борнсъ приобрѣтъ значительную сумму денегъ — около 5000 р.

2000 р. изъ нихъ онъ далъ матери, а на остальные могъ осуществить давно лелѣянное желаніе — посѣтить тѣ мѣста своей родины, которая такъ знаменита своей красотой. Кромѣ того, въ Единбургѣ поэтъ былъ принятъ въ высшее общество: лорды, знаменитые философы, художники тѣснились вокругъ поэта. Но свободного сына природы городъ не могъ приковать къ себѣ, — съ горькимъ чувствомъ разочарованія, вынесеннымъ имъ отъ Единбургскаго общества, возвратился онъ къ себѣ домой и на оставшіяся отъ путешествія деньги арендовалъ мызу Эллисланъ въ Думеррайдѣ, гдѣ и женился на дочери каменщика Дженинн Армуръ и снова занялъ опять тѣмъ трудомъ, къ которому привыкъ съ малолѣтства.

Однако злая судьба не оставяла поэта: хозяйственные неудачи заставляли мужа и отца нѣсколькихъ дѣтей напрягать все свои силы, чтобы добыть имъ пропитаніе. Онъ работалъ самъ въ полѣ; но, ходя за сохой, онъ не разставался со старымъ сборникомъ своихъ пѣсенъ, — читалъ, изучалъ, пѣлъ ихъ, «стихъ за стихомъ, тщательно подмѣчая, какія выраженія были върны, пѣжны, просты и возвышенны, и какія вялы, слабы...»

Но и личное участіе въ работѣ мало помогало

Борнеу; тогда онъ рѣшился взять мѣсто сборщика податей, и этой скромной должностію онъ, какъ челоувѣкъ свободомыслящій, едва не лишился. Поэзія могла бы дать ему средства къ существованію, но вотъ какъ Борнсъ смотрѣлъ на это дѣло: «Какъ бы ни были нужны поэтъ, какъ бы грозно ни тяготѣла надъ нимъ суровая обязанность отца семейства, — никогда онъ не могъ укротить духъ своей независимости, никогда онъ не былъ въ состояніи заставить умолкнуть мелодическій голосъ своей деликатности. Влестящій усичъ его незяни могъ бы, кажется, заставить его продавать свои новыя произведенія по дорогой цѣнѣ; но когда издатель одного лондонскаго журнала, имѣвшаго большой кругъ читателей, предлагалъ ему 52 гинеи въ годъ съ тѣмъ, чтобы онъ каждую недѣлю доставлялъ ему по одному стихотворенію, Борнсъ отвернулъ это предложеніе — и не изъ лѣнности, какъ можно было ожидать отъ поэта, а изъ гордости, потому что въ то же время, въ продолженіе многихъ лѣтъ, онъ посылалъ даромъ свои прекрасныя лирическія произведенія въ «Музей» Джонсона и ни за что не хотѣлъ брать никакой платы отъ Томсона за свое дѣятельное сотрудничество въ его собраніи «Шотландскихъ мелодій». По его мнѣнію, брать деньги за стихи — значило отдавать на поруганіе свою музу».

Но судьба не хотѣла, чтобы ея жертва ушла безнаказанно; случилось это слѣдующимъ образомъ. Борнсъ задолжалъ одному торговцу за взятое у него сукно и заболѣлъ въ это время. Расчет-

ливый кредиторъ, думая, что должникъ его можетъ умереть и деньги его пропадутъ, — подалъ ко взысканію и получилъ исполнительный листъ. Мысль, что послѣдніе дни своей жизни онъ долженъ будетъ провести въ тюрьмѣ, вдали отъ друзей и дорогого семейства, заставила его прибѣгнуть къ тому же самому Томсону, отъ котораго онъ такъ упорно не хотѣлъ брать никакой платы за свои произведенія. Борнсъ просилъ у него 50 руб. Съ такой же просьбой онъ обратился къ своему двоюродному брату Джемсу. Оба посѣщали исполнить просьбу умирающаго поэта. Томсонъ прислалъ деньги за послѣднее стихотвореніе Борнса «Красавица береговъ Девона», написанное имъ на смертномъ одрѣ. Часть денегъ, по уплатѣ долговъ, пошла на похороны поэта. Онъ умеръ 21 іюля 1796 г. на 37 году своей жизни. Послѣ него осталась безъ всякихъ средствъ вдова и пять человѣкъ дѣтей.

Внѣдствіи два сына Борнса поступили на английскую службу, и одинъ изъ нихъ былъ полковникомъ, а другой майоромъ. Оба они служили въ Индіи, и когда въ 1823 году прибыли на родину, на берегу Дуна былъ воздвигнутъ памятникъ ихъ отцу — знаменитому поэту.

Робертъ Борнсъ, говорить dr. Currie, былъ ростомъ 5 футовъ и 10 дюймовъ и имѣлъ гибкій и крѣпкій станъ. Его высокое чело было осынено черными, курчавыми волосами. Глаза у него были больше, темные, полные ума и огня. Лицо его бы-

ло прекрасно очерчено, черты лица необыкновенно пріятельственны и выразительны. Наружный видъ Борнса ясно показывалъ твердость его характера. Гордый, увлекательный по натурѣ, онъ всегда былъ привѣтливъ съ окружающими. Слуги и работники на фермѣ обожали его. У него всегда было готово слово сочувствія для всѣхъ. Бѣднымъ онъ помогалъ чѣмъ только могъ; онъ часто дѣлалъ для нихъ то, чего не дѣлалъ для себя.

«Онъ обладалъ», говоритъ профессоръ Тернеръ, «той глубокой, тѣмъ жаромъ чувства, которые составляютъ отличительную черту высшихъ натуръ. Какъ поэтъ, онъ въ своей области не имѣлъ соперниковъ...»

Дѣйствительно, это была дѣльная натура чловѣка, родившагося поэтомъ. И Борнсъ, богато одаренный отъ природы, не бездѣйствовалъ, не зарывалъ своего таланта въ землю, онъ работалъ упорно надъ самимъ собой, что мы ясно видимъ изъ его же письма къ доктору Мэру. Вотъ что пишетъ въ немъ о себѣ Борнсъ: «Я всегда былъ того мнѣнія, что тысячи ошибокъ и недосмотровъ, совершаемыхъ ежедневно чловѣкомъ, тысячи преступленій, разсматриваемыхъ съ двойной точки зрѣнія, рациональной и религіозной, превосходятъ отъ незнанія самого себя. Но самопознаніе всегда было предметомъ моихъ изученій. Я взвѣшивалъ свои сооственные поступки; я сравнивалъ себя съ другими; я испробовалъ всѣ средства, чтобы узнать, какое мѣсто я занимаю, какъ чловѣкъ и какъ поэтъ; я старательно изучалъ рисунокъ природы

въ формациі моего духа, направленіе свѣтовъ и тѣней моего характера...»

Кромѣ того, Борнсъ обладалъ замѣчательно чуткой, отзывчивой душой. Разсказываютъ, когда онъ въ Эдинбургѣ былъ приглашенъ къ одному богатому человеку и когда Борнсъ вошелъ въ кабинетъ, и, разсматривая картины, увидѣлъ одну изъ нихъ, и, изображающую солдата, умирающаго отъ ранъ и склонившагося надъ нимъ плачущую мать, онъ не выдержалъ, разрыдался и выбѣжалъ изъ кабинета.

Да одни ужъ стихотворенія «Къ полевой мышѣ» и «Къ сръзанной плутомъ маргариткѣ» — доказываютъ, какою мягкостью и чуткостью была наделена его душа. Таковъ былъ Робертъ Борнсъ — великій народный поэтъ, обновившій своими пѣснями не только шотландскую и англійскую литературу, но создавшій прекрасные образцы и для всемирной поэзіи.

Ив. Вѣлюсовъ.

ПРЕЖДЕ ВСЕГО.

Бѣднякъ, будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего!

Холопа встрѣтишь — отвернись
Съ презрѣньемъ отъ него!

Прежде всего, прежде всего
Предъ знатымъ не блѣднѣй, —
Вѣдь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!

Пусть черствый хлѣбъ — весь твой обѣдъ,
Изъ поскони кафтанъ;
Другой и въ бархагъ разодѣтъ,
А плутъ прежде всего.

Прежде всего, прежде всего
Вѣдь тигуль глушій звонъ.

Бѣднякъ, будь только честенъ онъ, —
Король прежде всего!

Вотъ этотъ баринъ — знатный лордъ,
Да что намъ изъ того,